

Александр Яковлев

Путь истины

Вчержки о людях Церкви
XIX-XX веков

Александр Иванович Яковлев

Путь истины. Очерки о людях Церкви XIX–XX веков

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=32532622

*Путь истины. Очерки о людях Церкви XIX–XX веков. / Яковлев А. И.:
Московское Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры; Москва; 2014*

ISBN 978-5-7789-0276-3

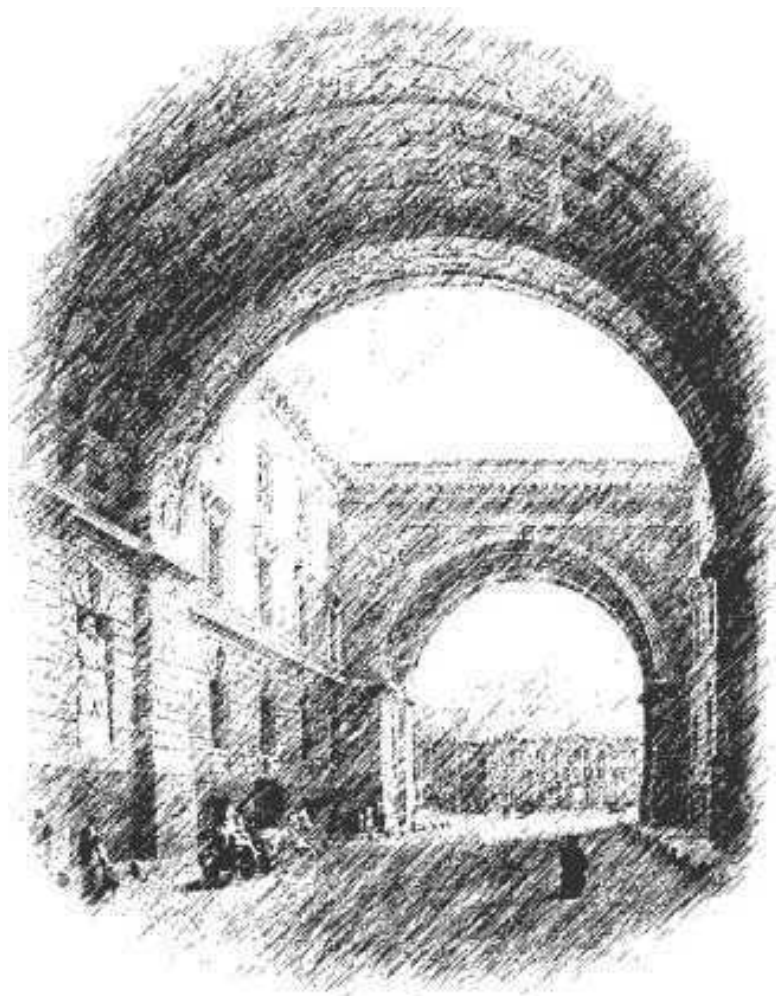
Аннотация

Книга представляет собой рассказы о людях Русской Церкви, о жизни и деятельности видных иерархов и простых монахов, священнослужителей и мирян. Среди ее героев святители Филарет Московский и Иннокентий Херсонский, духовный писатель А. Н. Муравьев и обер-прокурор К. П. Победоносцев, новомученики Церкви Русской и патриархи советской эпохи, православные епископы XX века митрополит Вениамин (Федченков) и митрополит Антоний (Блум) и другие.

Содержание

Предисловие	7
Митрополит Филарет	11
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Александр Яковлев
Путь истины. Очерки
о людях Церкви
XIX–XX веков

*Рекомендовано к публикации Издательским Советом Рус-
ской Православной Церкви ИС 13-312-1982*

Предисловие

Книга, представленная вашему вниманию, состоит из полутора десятков биографических очерков о разных людях. Они жили в разное время, занимались различными делами, однако есть одно, что всех их объединяет: все они принадлежали к Православной Церкви и служили ей, каждый по-своему, на протяжении всей жизни.

Книга эта сложилась сама собой. В нее вошли биографические очерки, опубликованные в журналах Российской Академии наук «Вопросы истории» и Московской Духовной Академии «Встреча», несколько докладов, произнесенных на конференциях Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, вступительные статьи к составленным автором антологиям в сериях «Русь Православная» и «Русская богословская библиотека». Конечно, собранные материалы были пересмотрены, исправлены и дополнены.

Тем не менее автор не считает это издание собранием случайных очерков о священниках и архиереях, чиновниках и писателях. Неожиданно проявилось определенное единство моих героев, нечто общее не по формальным признакам, а по самой их личностной сути.

Все они, и эмигрантский митрополит Антоний, и мятущийся интеллигент Сергей Дурылин, и благополучный протопресвитер Александр Шмеман, – все они искали свой путь

к Богу, следуя заповеди апостола Павла: *не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, чтобы вам познавать, что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная* (Рим. 12, 2).

Открылось, что мои герои – люди беспокойные, деятельные, глубоко переживающие антиномию отвержения и принятия мира, мира падшего, отверженного и мира принимаемого, благословляемого. При жизни они нередко спорили друг с другом, каждый отыскивая свой путь. Теперь же проявилось их глубокое внутреннее родство.

Оказалось, что в большинстве своем они, и святители, и миряне, крайне одиноки, хотя бы и пребывали в публичной сфере, будучи широко известными деятелями. Это переживание одиночества в мире, невозможности с достаточной полнотой выразить и донести свою мысль и свое чувство, переживание непонимания и нередко снисходительного пренебрежения происходило даже с московским митрополитом Филаретом, могущественным обер-прокурором Святейшего Синода К. П. Победоносцевым, Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Пименом.

Новомученики Российские, отдавшие жизнь за верность Христу, занимают особое место в церковной истории. Там они стоят рядом с другими православными людьми, которым довелось жить в иную историческую эпоху. Однако и те и другие в своем пути по беспокойному морю житейскому равно стремились к желанной гавани – Царству Небесному.

И для всех *ковчегом спасения* была Церковь.

В наши дни, когда суетный и шумный мир стремится покорить себе вся и всех, стоит вспомнить, что такое было и ранее. «Все заплыло пошлостью, слава Богу, кроме Церкви, которая стоит еще ковчегом спасения, вдохновения, поэзии, – писал К. П. Победоносцев 31 октября 1874 года Е. Ф. Тютчевой. – Это цветущий оазис посреди здешней пустыни; это чистый и прохладный приют посреди знойной и пыльной площади и шумного рынка; это песня, уносящая вдаль и вглубь из быта...»

Опыт жизни самых разных людей дает нам примеры различного пути, учитывая своеобразие эпох, в которые они жили и совершали дела, к которым были призваны. Великие Оптикинские старцы, из которых старец Нектарий десятилетиями не покидал обители, предлагают образец духовной сосредоточенности. Андрей Николаевич Муравьев, напротив, часто и подолгу путешествовал и занимался самыми разными делами. Сергей Николаевич

Дурылин избрал для себя глубоко затаенную верность Богу...

«Кто я был? Кто я теперь? И чем буду по прошествии долгого времени? – размышлял в IV веке великий святитель Григорий Богослов. – Куда приведешь и где поставишь, Бессмертный, великую тварь, ежели есть великое между тварями? А по моему мнению, мы, ничего не значащие однодневные твари, и напрасно поднимаем высоко брови, ежели в нас

то одно и есть, что видят люди, и ничего не имеем мы, кроме гибнущей жизни». Над теми же вопросами думали на нашей земле и герои этой книги и предлагали ответы не только словом, но и всей своей жизнью.

Они искали и находили свой *путь к Истине*.

А. И. Яковлев

Митрополит Филарет

Святитель Филарет (Дроздов)

Роль и значение святителя Филарета (Дроздова, 1782–1867), митрополита Московского и Коломенского, велики не только в истории Русской Православной Церкви, но также в государственной и культурной жизни России в первой половине XIX века. Его личность уже современниками воспринималась намного шире рамок церковной ограды, в которых он жил и действовал. Гениальный проповедник, великий богослов, опытный церковный администратор, мудрый духовный наставник, митрополит Филарет был причастен к нескольким важным государственными актам, оказал влия-

ние на процесс формирования русской национальной культуры, тем самым, пытаясь усилить влияние Церкви в русском обществе и воцерковить русскую культуру¹.

Святитель Филарет (Дроздов)

Стоит заметить, что оценки личности святителя Филарета оказались весьма разными, подчас полярными, даже оставляя в стороне обязательный некогда «советский взгляд» на видного церковного иерарха как на «реакционера». В наши

¹ Примечания, обозначенные цифрами, вынесены в конец главы, с. 73–74. Библиографические ссылки вынесены в конец книги, с. 655–666.

дни его изображали то твердым и неколебимым защитником всех существовавших в его время устоев – церковных, государственных, общественных, бытовых (Д.В. Поспеловский); то высокомерным и жестоким архиереем, напрочь отдаленным от окружающего мира (С. М. Соловьев); то премудрым и благостным старцем (Н.В. Сушков). И имеются основания для всех названных характеристик, но в них не вся правда, это скорее сложившиеся мифологемы о святителе. Тем не менее уже первые его биографы И.Н. Корсунский и протоиерей А. А. Смирнов на основании многочисленных документов использовали подлинно исторический подход к осмыслению такого большого и неоднозначного явления в русской жизни, как святитель Филарет.

Посмертная судьба святителя в церковной жизни также оказалась непростой. Он был причислен к лику святых в 1994 году, после многих своих выдающихся современников – святителей Иннокентия (Вениаминова) – 1977 год, Игнатия (Брянчанинова) и Феофана (Говорова) – 1988 год, которые при жизни признавали его авторитет как первого среди равных. Можно предположить, что церковное решение замедлялось не только опасением негативной реакции Советской власти, прочно закрепившей за митрополитом Филаретом ярлык «реакционера» и «монархиста», но также неоднозначным (до настоящего времени) отношением к его личности в церковной среде, где одни считают его жестким консерватором, а иные – мистиком и либералом.

Век Филарета оказался не только сложен, но и долог. Он жил в царствования Екатерины II, Павла I, Александра I, Николая I и Александра II, причем в последние три царствования был активным деятелем. Авторитет Филарета был настолько велик, что его называли «патриархом в отсутствие патриаршества»; в одной из современных публикаций его называли «митрополитом всея Руси», и, по сути, это справедливо.

Стоит еще учесть, что на *век Филарета* выпало несколько рубежных событий в российской истории, и митрополит московский не оставался безучастным свидетелем попыток реформ Александра I, нарастания имперской мощи государства при Николае I и «революции сверху» Александра II. Твердо и неизменно он отстаивал интересы Русской Церкви в утомительном и тяжелом подчас противоборстве с мощной бюрократической машиной империи. И его голос был голосом Церкви.

1

Все начиналось обыкновенно. Будущий святитель родился 26 декабря 1782 года (8 января 1783 года по и. ст.) в городе Коломне, в семье диакона Михаила Федоровича Дроздова и Евдокии Никитичны Дроздовой (Филипповой), и при крещении получил имя Василий.

Формирование личности Василия Дроздова началось в

среде провинциального духовенства, под сильным влиянием русской православной традиции. Начальное и среднее образование он получил в Коломне, в декабре 1791 года поступив в Коломенскую семинарию, а продолжил с февраля 1800 года в Московской семинарии, находившейся тогда в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре.

В стремлении понять истоки формирования личности и формирования мировоззрения святителя Филарета необходимо обратиться к источникам влияния. Первый из них очевиден – это священнические семьи Дроздовых и Филипповых, во многом типичные для того времени по размеренному, патриархальному укладу жизни, верности обычаям и нравам провинциального духовенства. Но вот дед по отцу – вдовый протоиерей Федор Игнатьевич Дроздов оставил внуку иной пример: сам передав сыну приход, он отказался от мира, вел уединенный, почти аскетический образ жизни, погруженный в молитвенное стояние пред Богом.

Нельзя не упомянуть провинциальную атмосферу православной Коломны с ее десятком церквей и несколькими монастырями, с ее почти деревенскими радостями и забавами для мальчишек (купанием, лазанием по садам за яблоками).

Открытием для Василия стало пребывание в большой и шумной Москве, первопрестольной столице империи, куда уже докатились ветры перемен. Преобразования по западному образцу затрагивали все сферы жизни тогдашнего российского общества, ставя под сомнение привычные устои

жизни, порождая новые вопросы и подчас вызывая острые конфликты.

В тот, по выражению протоиерея Г. Флоровского, «пышный, мечтательный и смутный век» в русских семинариях царил «школьный латинизм». В учебных программах духовных семинарий явственно проявилось воздействие западной культуры, проникшей в виде учебных пособий и иных переводных книг. Василий Дроздов мог читать их сам, зная латинский, древнегреческий и древнееврейский языки, а позднее выучив французский. Обладая острым и пытливым умом, он жадно впитывал знания.

Рубеж XVIII–XIX веков стал временем экспансии западной культуры. Вестернизация в духовных семинариях проявлялась даже внешне. В царствование Павла I, «несмотря на затрапез и крашенину, в которую облачены были студенты, они обязаны были, подстригая перед и брея бороду, отпускать и заплетать косы по форме, высочайше установленной. На головах обязательно шляпы» (39, т. 1, с. 30).

Не стоит недооценивать западное влияние даже в стенах Лавры, ибо в XVIII веке, по выражению протоиерея Василия Зеньковского, «русская душа попала в “плен” к Западу» (58, с. 13). И великий митрополит Московский Платон (Левшин) в своих взглядах не был свободен от влияния протестантизма. Не сразу, а путем долгих размышлений Василий Дроздов научался за «шелухой времени» различать вечные истины, использовать то доброе, что содержалось в книгах западных

авторов, согласуя это с творениями отцов Церкви. Видимо, в те ранние годы он обретает прочнейшую основу своей духовной жизни и служения – Священное Писание, чтением и осмыслением которого он был поглощен всю жизнь. В будущем святитель сумел гармонично синтезировать отеческие, национальные и весьма разнородные западные начала русской мысли, создав основу нового русского богословствования.

В Троицкой семинарии по прохождении обучения Василий Дроздов был признан одним из лучших «и по прилежанию, и по остроте ума», и по «особенной скромности». В ноябре 1803 года митрополит Московский Платон (Левшин) назначает его в семинарию «учителем греческого и еврейского языков с получением жалованья в год по 160 рублей». В январе 1806 года Василий Дроздов произносит церковную проповедь, встретившую восторг слушателей и полное одобрение митрополита Платона, считавшегося тогда «первым российским витией», проповеди которого были известны и в Западной Европе. Вскоре Дроздов становится любимцем митрополита, который побуждает его к принятию монашеского звания, но молодой учитель не спешит принимать решение. Лишь в июле 1808 года Дроздов подает прошение. 16 ноября он был пострижен в монашество с именем Филарет, 21 ноября рукоположен в сан иеродиакона.

Казалось, что молодому монаху предстоит обычный путь ученого инока под покровительством митрополита Плато-

на. Но Провидение решило иначе. В декабре 1808 года Комиссия духовных училищ, созданная М. М. Сперанским с целью преобразования всей системы духовного образования в России, вызывает из разных епархий молодых выпускников семинарий для служения в столице империи. 29 декабря иеродиакон Филарет выезжает в Санкт-Петербург, несмотря на предложение митрополита Платона похлопотать об оставлении своего любимца в родных стенах Свято-Троицкой Лавры. Он подчиняется воле начальства, но также, видимо, сознает, что открываются более широкие возможности для проявления его талантов и раскрытия способностей.

2

Стремительность его продвижения по ступеням «карьерного роста» поразила современников: 1809 год – рукоположение в сан иеромонаха и назначение ректором духовного училища, 1810 год – назначение бакалавром в Духовную Академию,

1811 год – возведен в сан архимандрита и пожалован наперсным крестом с драгоценными камнями «за отличие в проповедовании Слова Божия»,

1812 год – назначен ректором Духовной Академии и настоятелем Новгородского Юрьева монастыря,

1813 год – награжден орденом святого князя Владимира 2-й степени «за неусыпные труды по званию ректора и про-

фессора богословских наук в Санкт-Петербургской Духовной Академии», 1814 год – удостоен высочайшего рескрипта и звания доктора православного богословия, 1816 год – пожалован панагией «за ревностное служение по части образования духовного юношества» и определен настоятелем московского Новоспасского монастыря с оставлением при Духовной Академии... За несколько лет никому не известный провинциальный монах стал одним из видных и авторитетных церковных деятелей. Основанием для его взлета стали не только очевидные таланты, но и неустанный, самозабвенный труд. В те годы, сложные для молодого провинциального инока, в непривычной и чуждой ему петербургской столичной атмосфере формировался характер будущего святителя, девизом которого могли бы стать слова «вера и стойкость».

В создаваемой Духовной Академии Филарету было поручено чтение курсов, по которым не имелось учебных пособий. Ему пришлось составлять их на основе сочинений западных авторов и трудов православных отцов Церкви. Он признавал необходимость использования западной богословской мысли и в своем «Обозрении богословских наук» рекомендовал по каждой части богословия католические и протестантские сочинения. А в то время в русском дворянском обществе получили еще большее распространение идеи масонства, мистического «внутреннего христианства», доходившие до отрицания всего строя церковной жизни. Все это требовало осмысления, поисков путей выхода из духовной

смуты и выработки для ожидающих верных слов верующих мирян православного понимания – в условиях Нового времени – самой Церкви Христовой и ее учения.

Выходят в свет подготовленные им труды богословские – «Записки на Книгу Бытия», апологетические – «Разговоры между испытующим и уверенным о православии Восточной Греко-Российской Церкви» и исторические – «Начертания Церковно-Библейской истории». Автора обвиняли в сильном влиянии на его «Начертание истории» церковно-исторического сочинения лютеранского богослова Буддея, но сам он и не скрывал этого. Заслугой Филарета стало, однако, не просто введение в учебный курс полезного сочинения, но творческое переосмысление идей западного автора. Труды западноевропейских богословов становились для святителя Филарета побудительным толчком для развития собственных идей на основе святоотеческой мысли, на основе наследия святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого.

В 1823 году выходит составленный Филаретом Катехизис, изложение основ православной веры, в работе над которым автор использовал не только давно известные в России Катехизисы митрополита Петра (Могилы) и митрополита Платона (Левшина), но и опыт католического катехизиса, изданного по указанию католического епископа Монпелье Шарля-Иоахима Кольбера.

Обращение к европейским авторам в этом и иных слу-

чаях было вызвано тем обстоятельством, что в Новое время, в условиях вестернизированной культуры ответ на духовные запросы русского дворянского общества уже не мог быть дан только по святым отцам «Добротолюбия». Обращение к западному опыту началось в петровскую эпоху с Духовного регламента архиепископа Феофана Прокоповича и трудов митрополита Стефана Яворского, испытавших влияние один – протестантизма, другой – католицизма. Но и ранее влияние западного схоластического богословия испытал митрополит Петр (Могила), а позднее и святитель Тихон Задонский использовал в своих трудах сочинение лютеранского пастора Иоганна Арндта «Об истинном христианстве». Однако в России западный ответ не просто предлагался верующим, а поверялся и очищался опытом православной церковности, сохранявшей конфессиональную и национальную самобытность. Христианская система ценностей оставалась основой и для формирующейся русской культуры.

Заслугой святителя Филарета в развитии «школьного богословия» стала разработка новой, глубоко продуманной системы богословских дисциплин, основанной на истории: «История первее системы. Откровение дано в живой истории...». Он первый стал поощрять самостоятельное творчество преподавателей духовных учебных заведений, предлагая им не довольствоваться повторением учебника. Правда, его требовательность к составляемым преподавателями «запискам» подчас вызывала у тех недовольство.

Не менее примечательно его внимание к языку преподавания, которым долгое время была латынь. Лишь в 1819 году Комиссия духовных училищ по докладу архиепископа Филарета разрешила преподавание богословия «и на российском языке по усмотрению ректора». Церковные консерваторы этому воспротивились, и в 1825 году Святейший Синод принял решение о возврате к латыни; по выражению святителя Филарета, «начался обратный ход, от общевразумительного учения к схоластицизму» (180, т. 2, с. 210). Тем не менее святитель не отказался от своей принципиальной позиции. В своем отчете о ревизии Московской духовной академии архиепископ Филарет написал, что «богословие догматическое и преподано и в конспекте означено, и на испытании представлено, сначала на русском языке, а далее на латинском. Предложенное на русском преимуществует порядком и ясностию изложения. Предложенное на латинском, вероятно по действию классической книги, более ознаменовано сухим и маловразумительным языком школы, нежели силою истины общевразумительной и полезной» (180, т. 2, с. 141–142).

Духовному образованию святитель Филарет уделял внимание постоянно. По его благословению, данному ректору МДА архимандриту Филарету (Гумилевскому) после продолжительного обдумывания, в 1841 году в Московской Духовной Академии было начато издание непрерывной серии «Творения святых отцов в русском переводе»; немалая

часть переводов не устарела до настоящего времени. За счет средств Московской епархии митрополит Филарет повысил жалованье преподавателям и профессорам МДА, что побудило к аналогичной мере и другие церковные власти. Но все же духовные школы были лишь одной из многих сфер интересов и деятельности святителя Филарета.

3

В те же первые свои годы в Петербурге он проявил себя не только как ученый универсальных интересов, но и как духовный деятель, открытый духовным запросам времени и готовый дать на них ответ. Конечно же, способности и таланты молодого инок были велики, но очевидно, что их раскрытию сильно способствовала сама атмосфера тогдашнего Петербурга, где еще не полностью выветрился дух «дней Александровых прекрасного начала». Инок Филарет не успел узнать деспотизма Павловского царствования, напротив, господствовал дух либерализма и терпимости, и все большее значение в столичном обществе приобретали *ученость*, образование и способности.

Обер-прокурор Святейшего Синода князь А. Н. Голицын, влиятельный благодаря дружбе с императором Александром I, 25 марта 1810 года услышал проповедь молодого монаха в Троицком соборе Александро-Невской Лавры и поразился. Князь постепенно отходил от легкого вольнодумства ека-

терининской эпохи, глубины православной веры все больше притягивали его. В филаретовской проповеди на праздник Благовещения Пресвятой Богородицы он оценил не только блеск и красоту церковного красноречия, но также глубину раскрытия темы и искреннее чувство. Проповедник строго осудил «лукавствующий мир сей», который «не царствует, но рабствует. Если исключить из него тех, которые всем его званиям предпочитают звание христианина, то в нем останутся одни рабы – рабы честолюбия, рабы злата, рабы чрева, рабы сладострастия, и все вместе – рабы самолюбия... Отврати, верующая душа, очи твои, еже не видети суеты, обратися в покой твой и в тайне ищи тихого, безмятежного Царствия Божия в себе самой...» (179, т. 1, с. 138).

Благоволение царедворца скоро проявилось открыто. Весной 1812 года архимандрит Филарет был впервые приглашен в Зимний дворец, произнес проповедь в Большой церкви в присутствии всей царской семьи (179, т. 1, с. 169). 1 октября он освятил домовую церковь в доме князя А. Н. Голицына и также произнес проповедь (179, т. 1, с. 175). Известно, что 30 ноября в домовой церкви князя А. Н. Голицына состоялась встреча Филарета и императора. Учитывая потерянность Александра I в дни тяжелейших поражений русской армии в войне с Наполеоном, а также внезапный поворот императора от легкомысленного религиозного равнодушия к вере в Бога, можно предположить, что венценосец не только просил советов, но и исповедовался.

На новую высоту славы архимандрит Филарет поднялся благодаря произнесению 13 июня 1813 года в Казанском соборе слова на погребение тела фельдмаршала М. И. Кутузова: «...Се ум, в котором и высокие звания и приятные искусства, не стесняя друг друга, находили свое место; ум, способный в одно время составлять чертеж брани, соотносить к единой цели разнообразные отношения союзных и враждебных держав и легкою ногою измерять зыблущиеся стези Дворов... Сия твердость, непоколебимая ни страхом, ни скорбью, и благодушная покорность своей участи были предуготовлены для таких подвигов, среди которых поколебались бы тысячи тысяч... Сия глубокая проницательность и неутомимая осторожность... против возрастающего исполина, который на развалинах престола, превращенных в лобное место, созидавая новый престол, желал утвердить и украсить его разрушением древних...». Однако то был не только привычный образец церковного красноречия с архаичными уже тогда оборотами: «...тлетворное дыхание Запада отовсюду воздувает на нас бурю». Проповедник отозвался на важные явления российской жизни, сказав, что «избранный сын отечества предохранен от суеверного уничтожения пред идолом иноземного просвещения и образованности» (179, т. 1, с. 46–47, 50). Отношение к Западу и западной культуре в то время пересматривалось в русском обществе, которое отказывалось от крайностей слепой вестернизации ради заимствования реальных достижений западноевропейской куль-

туры. И ректор Духовной Академии указывал на необходимость отличать *идолов* от *идеалов*. «Слово пред погребением тела светлейшего князя М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленского» было признано классическим и вышло несколькими отдельными изданиями, сделав имя Филарета известным всей России. 23 декабря Святейший Синод утвердил составленный архимандритом Филаретом особый чин молебствия «за избавление Церкви и державы Российской от нашествия галлов и с ними двенадцати язык».

Тем не менее архимандрит Филарет не обольщался милостями властей предрежащих. В письме к другу, священнику Григорию Пономареву, от 5 января 1811 года он писал: «К здешней жизни я не довольно привык и вряд ли когда привыкну более. Вообрази себе место, где более языков, нежели душ; где надежда по большей части в передних, а опасение повсюду; где множество покорных слуг, а быть доброжелателем считается неучтивым; где роскошь слишком много требует, а природа почти во всем отказывает. Ты согласишься, что в такой стихии свободно дышать могут только те, которые в ней или для нее родились. Впрочем, есть люди, которых расположением я сердечно утешаюсь» (184).

Можно предположить, что архимандрита Филарета поддерживало в его трудах не только сочувственное отношение нескольких близких людей и сознание долга, но также сама атмосфера имперской столицы, в которой началось проведение серьезных перемен в России. Было положено начало

различным преобразованиям в административной и хозяйственной жизни, в образовании и военном деле, что в совокупности означало проведение *реформы внутри системы*, начало модернизации государства и общества. Церковь была и оставалась важной и неотъемлемой частью и государства, и общества, поэтому Александр I начал перемены и в Церкви.

4

Разработанные М. М. Сперанским и архиепископом Феофилактом (Русановым) в 1808 году мероприятия по реформе системы духовного образования стали не просто своевременными, но даже запоздавшими, настолько низок оказался уровень подготовки русского духовенства, которое с петровских времен было «мерами власти превращено в замкнутое сословие и оттеснено в социальные низы» (192, с. 266). Между тем два бывших семинариста планировали не только дать духовенству лучшее образование, но также повысить его социальный статус, дабы никакой помещик не посмел притеснять сельского священника.

Несомненно, что такого рода намерения воодушевляли и молодого монаха, видевшего свое служение в столице не простым исполнением послушания, но участием в осуществлении масштабных перемен во всей Русской Церкви. До поры до времени он не сознавал глубины и прочности власти государства над Церковью, не ощущал стесненности Святей-

шего Синода, полномочия которого возводились к самодержавному монарху. Между тем масштабные преобразования, как это обычно и бывает, порождали новые конфликты.

6 декабря 1812 года император утвердил доклад князя А. Н. Голицына об учреждении в Санкт-Петербурге Библейского общества, в дальнейшем ставшего всероссийским. Библейское общество было создано в Великобритании в 1804 году с целью распространения книг Священного писания на разных языках; оно имело свои отделения в германских государствах, Швейцарии, Америке, Индии. В марте 1812 года Общество прислало в Россию пастора Джона Паттерсона, после бесед с которым князь Голицын и подал свой доклад императору (202, с. 16). Председателем Общества стал обер-прокурор, а одним из двенадцати директоров – архимандрит Филарет. Он не просто числился в Обществе, как иные иерархи, а трудился. Ему было поручено наблюдение за подготовкой стереотипного издания Библии на церковно-славянском языке.

Вдохновленный этой высокой миссией, глубоко и искренне верующий Филарет задумывает перевод Библии на русский язык, дабы облегчить всем образованным людям познание Слова Божия, ибо церковно-славянский, остававшийся языком богослужения, вышел из бытового употребления. Трудно предположить, что без его участия родилось намерение Александра I, изложенное Святейшему Синоду 28 февраля 1816 года, перевести Библию на русский язык. Стоит

заметить, что решение о переводе принималось не крайне боязливymi и консервативно настроенными членами Святейшего Синода, а Комиссией духовных училищ и плавно перетекло в ведение Библейского общества. Там было решено «поручить дело сие ректору Санкт-Петербургской Духовной Академии о. архимандриту Филарету с прочими членами академии» (202, с. 26).

Сам Филарет, ставший «душою переводного комитета», взялся за перевод Евангелия от Иоанна, самого сложного и богословски значимого. Он составил правила для переводчиков, требуя пословного перевода Евангелия с греческого оригинала с сохранением по возможности порядка слов, а славянскую лексику употреблять лишь при отсутствии русского эквивалента или явной вульгарности выражений. Работа была завершена в конце 1817 года, Четвероевангелие на русском языке вышло в свет, а в 1823 году и весь Новый Завет на русском.

Этому предшествовала хиротония Филарета в сан епископа, совершенная 5 августа 1817 года в Троицком соборе Александро-Невской Лавры. В августе

1818 года за новые труды, за заслуги перед Церковью и Отечеством епископ Ревельский Филарет был награжден орденом святой Анны 1-й степени.

В те первые петербургские годы будущему святителю довелось узнать не только зависть и вражду в своем окружении, но и недоброжелательство венценосцев. 26 декабря 1814 го-

да в Большой церкви Зимнего дворца он произносит слово на праздник

Рождества Христова, в котором говорит: «Бедственное ослепление людей, прельщенных миром, увеличивается тем, что слепые слепых же избирают вождями себе или дают влечь себя множеству, на которое опираясь десницею и шуйцею, мнят быть безопасны от падения... Итак, вотще стараются некоторые утончать любовь к миру, вместо того чтобы отсекал ее, и, вместо того чтобы побеждать оную любовию к Богу, надеются примирить одну с другою...» (179, т. 1, с. 84, 87). Проповедь вызвала неудовольствие вдовствующей императрицы Марии Федоровны, и с тех пор Филарета никогда не приглашали проповедовать в дворцовой церкви.

Но в те же годы ректор Духовной Академии входит в круг петербургской аристократии. У него завязываются дружеские связи с графом С. Б. Потемкиным, дочерью М. И. Кутузова Е. М. Хитрово и другими. Он выступает в роли посредника между Г. Р. Державиным и духовной цензурой, запретившей публикацию стихотворения «Христос». Он открыт для контактов, встречается с американскими квакерами, разъясняет Стефану Грелье де Мобилье значение святой Евхаристии для христианина (135, с. 142). Однако активность и открытость епископа Филарета вдруг оборачиваются против него.

Духовная увлеченность императора и обер-прокурора христианскими идеями, не подкреплённая богословским об-

разованием и церковной традицией, обернулась пришедшей на Россию тучей «духовного мистицизма». Беседы Александра I в европейских странах с квакерами Алленом и Грие, известным мистиком Юнгом-Штилингом, долгие разговоры с баронессой Ю.Крюденер, с Р. А. Кошелевым и А. Ф. Лабзиным на темы вечных истин, понимания глубин Апокалипсиса привели его к идее мистической «внутренней церкви», в которой он увидел залог людского счастья на земле и прообраз Церкви Небесной. Этим настроением Александра I было порождено создание 26 сентября 1815 года Священного союза трех, а затем и всех остальных европейских монархов. В основу Союза был положен принцип охранительства, незыблемости государственных принципов в Европе исходя из высоких идеалов христианства. Такого же рода мистическая настроенность, хотя и с национальной окраской, ощущалась и в закладке в Москве 12 сентября 1817 года храма Христа Спасителя по своеобразному проекту А. Л. Витберга, далекому от канонов русской церковной архитектуры. Те же принципы «безбрежного мистицизма» положены в основу учрежденного 24 октября 1817 года нового министерства духовных дел и народного просвещения во главе с князем А. Н. Голицыным, причем Святейший Синод оказался подчиненным уже одному из четырех отделений Департамента духовных дел. Даже государственный историограф Н. М. Карамзин отнесся к этому критически, назвав новое учреждение «министерством затмения», а А. С. Пушкин в июле 1824

года с удовлетворением отозвался на уничтожение «двойного министерства».

Молодой епископ сознавал вредность сектантских и еретических увлечений иных дворянских мистиков, но видел в этом неизбежные искания Истины в условиях, когда в ходе петровской секуляризации была разорвана преемственность с отечественной православной традицией, а противоядие от западного вольнодумства и неверия стали искать также на Западе. Именно в ответ на жажду религиозного наставления и просвещения и намеревался епископ Филарет предложить просвещенным россиянам Слово Божие. Но дело Русской Библии, главный жизненный подвиг святителя Филарета, оказалось с самого начала отягченным для него великими испытаниями и скорбью. В то время перевод Библии на русский язык виделся актом почти революционным, едва ли не новой Реформацией, ранее потрясшей Европу. Между тем «либеральные стремления императора», как справедливо заметил С. В. Мироненко, «никоим образом не затрагивали основ...» (92, с. 208), а его личные благие намерения легко забывались, едва только он усматривал угрозу (реальную или мнимую) для существующего строя.

В политической жизни за теми или иными идейными течениями стоят определенные люди, стремящиеся к достижению своих целей. Так и в дворцовой жизни 1820-х годов генерал А. А. Аракчеев, стремясь усилить свое положение у трона и оттеснить князя А. Н. Голицына, воспользовал-

ся все возрастающим недовольством политикой князя в отношении Церкви. Действуя через ревностного не по разуму защитника православной веры архимандрита Фотия (Спаского) и шаткого в убеждениях митрополита Петербургского Серафима (Глаголевского) и опираясь на поддержку вождя охранительного течения адмирала А. С. Шишкова, Аракчев сумел породить у императора недовольство и недоверие к князю Голицыну и деятельности Библейского общества. «Начинавшееся богословское обновление, – отмечал протоиерей Георгий Флоровский, – было встречено в правящих кругах с недоверием и беспокойством», которые питались не религиозными мотивами, а потому и привели к «мрачной политико-полицейской интриге» (192, с. 272).

Всего этого не сознавал владыка Филарет, поставленный 3 июля 1821 года архиепископом Московским и Свято-Троицкой Лавры архимандритом. В мае 1822 года он сообщает в Святейший Синод о продаже в Москве Нового Завета и Псалтири на русском языке: «Появление сих священных книг произвело здесь между людьми всякого звания особенную радость. Требования на оные душеспасительные книги столь много, что в три дня по отпечатании Нового Завета продано до 350 экземпляров и Псалтири 300 экземпляров. Сотоварищества и корреспонденты [Библейского общества] требуют их во множестве» (цит. по: 202, с. 38). В конце того года в Петербург был отправлен отчет Московского отделения Библейского общества, подписанный не только архи-

епископом Филаретом, но и московским генерал-губернатором князем Д. В. Голицыным и московским предводителем дворянства П. Х. Оболяниновым. В нем говорится: «Перевод сей есть величайшее благодеяние для народа Российского, издревле наклонного к благочестию и всегда жаждущего просвещения духовного. Многие тысячи соотечественников наших с нетерпением ожидали издания сих книг, дабы с тем большим уразумением питать себя божественными истинами, в них заключающимися» (цит. по: 135, с. 88).

Но заговорщики, движимые обскурантизмом и честолобием, действуют. Адмирал Шишков называет успехи Библейского общества «злом, которое распространяется по-прежнему», рассуждает, что «перекладка Священного Писания с высокого и важного языка на простонародное наречие» есть «сильнейшее орудие революционных замыслов». Митрополит Серафим открыто заявляет, что «раздача Библии есть самое верное средство к введению Реформации» (135, с. 260). 20 апреля 1824 года в Зимнем дворце происходит тайная встреча архимандрита Фотия с императором. В ходе трехчасовой беседы Фотий раскрывает Александру I «план революции» или «тайну беззакония, делаемую тайным обществом в России везде» при поддержке Библейского общества и насаждаемой лично князем Голицыным «новой религии», которая есть «вера в грядущего антихриста, двигающая революцией, жаждущая кровопролития...» (см. 194, с. 374–385). Усталый и напуганный революционным броже-

нием в европейских странах, император уступил давлению: 15 мая было упразднено «двойное министерство», князь А. Н. Голицын освобожден от должности министра и обязанностей председателя Библейского общества.

Крушение князя тут же отозвалось на положении владыки Филарета. 8 июня митрополит Петербургский Серафим сообщил на заседании Святейшего Синода о запрете Александром I распространения отпечатанного на русском языке Пятикнижия (первых пяти книг Библии). Несколько тысяч экземпляров книги были сожжены на кирпичном заводе Александрово-Невской Лавры (202, с. 41, 117). Позднее было запрещено и само Библейское общество, Четвероевангелие на русском языке изъято из книжных лавок, запрещен филаретовский Катехизис (названный архимандритом Фотием «канавною водою»), а некоторые его проповеди признаны «неправославными». Противники в полной мере использовали методы запретительные, хотя сам святитель предпочитал бороться с мистическими уклонами пастырским словом, основанным на знании и проникнутым духом любви.

Потрясение владыки Филарета оказалось велико. В проповеди, произнесенной 12 июня 1824 года в Волоколамске, он позволил себе высказаться: «... какой бы ты ни предпринял благочестивый подвиг, в какой бы ни начал упражняться добродетели, не изменяя принятому однажды благому намерению; и хотя бы предстояли тебе препятствия, хотя бы казалось тебе, что успех не соответствует ожиданию твоему,

не отчаивайся, не малодушествуй; и напротив того, хотя бы показалось тебе, что ты довольно успел в добром деле и подвиге, не обленяйся, не будь беспечен... в трудности подвига уповай на Господа и паки терпи о Господе» (179, т. 2, с. 168).

Для него столь резкий поворот императора был тем более неожиданным, что всего год назад, в июле 1823 года, он был допущен к сокровенным делам царской семьи. По распоряжению императора архиепископу Филарету было поручено составление в глубокой тайне манифеста о переходе прав на российский престол от цесаревича Константина Павловича (женившегося на польке Иоанне Грудзинской) к великому князю Николаю Павловичу. В Каменноостровском дворце владыка представил свой проект Александру I и предложил помимо основного текста составить три заверенные копии этого важнейшего государственного акта для хранения в Государственном Совете, Сенате и Святейшем Синоде. Основной текст, подписанный императором, 29 августа владыка Филарет сам положил в ковчег с государственными актами в алтаре Успенского собора Московского Кремля.

Прямо и открыто защищая Библейское дело, он недоумевал перед лукавством и слабостью царя. Не менее огорчительным виделось и поведение митрополита Серафима. Печальная ирония ощутима в письме владыки Филарета от 8 декабря 1824 года к митрополиту: «Если сомнительно православие Катехизиса, столь торжественно утвержденного Святейшим Синодом, то не сомнительно ли будет правосла-

вие самого Святейшего Синода?» (цит. по: 202, с. 86). Спустя несколько лет снимут запрет на филаретовский Катехизис, который более чем на столетие станет общедоступной системой православного богословия, но дело Русской Библии остановится на сорок лет.

Святитель Филарет отступает, но не отказывается от своих целей, более того, гласно осуждает своих гонителей. 12 февраля 1825 года в проповеди, произнесенной в кафедральном Пудовом монастыре, он сказал: «... если ты чтить достоинство учителя, установленное в Церкви Христовой, то не должен ты своевольно вторгаться на место учительское или легкомысленно бегать за учителями, которых никто не поставил... но должен в кротости и послушании проходить звание ученика евангельского под руководством поставленных от Бога и Церкви учителей, страшась быть учителем и сам для себя, а тем более, без высшего призвания, руководствовать других или переучивать учителей, от Бога и Церкви поставленных» (179, т. 2, с. 362).

5

Царствование Николая I стало для Русской Церкви временем усиления государственного гнета, когда обер-прокуратура из органа *надзирающего* превращается в орган, *управляющий* церковной жизнью. Личные отношения святителя Филарета с императором были лишены какого бы то ни было

доверительного характера и основывались на взаимном уважении. Впрочем, это уважение не препятствовало возникновению конфликтов, недоверия и подозрений со стороны Николая I.

Началось все с тревожных дней «междущарствия» в ноябре – декабре 1825 года, когда митрополит Московский оказался в положении «хранителя светильника под спудом»: в дни, когда вся Россия начала присягать императору Константину I, он один в Москве знал о неверности этой присяги. Побуждаемый генерал-губернатором Москвы князем Д. В. Голицыным вскрыть запечатанные акты и объявить истинную волю покойного Александра I, владыка Филарет устоял, заявив, что «не может быть двух императоров, одного в Петербурге, другого в Москве». Фактически владыка Филарет тогда руководил действиями светской власти; высокую степень его самостоятельности и активности позднее с неудовольствием отметил самолюбивый Николай I. А когда из допросов декабристов император узнал, что считавшегося оппозиционным Филарета предполагалось ввести в состав «революционной Директории» наряду с Н. С. Мордвиновым и М. М. Сперанским, то настороженность в отношении слишком яркого архиерея переросла в стойкую подозрительность. Пожалование бриллиантового креста на клобук и возведение Филарета в 1826 году в сан митрополита не изменили ничего. Примечательно, что позднее на совет князя А. Н. Голицына: «Государь, посадите Филарета в Государственный

Совет. Он там сделает за десятерых» – император ответил: «Что это ты вздумал мне давать советы, князь? Я знаю, что Филарет настраивает против меня Москву». На митрополита шли доносы. В отчете III Отделения за 1830 год, в частности, говорилось: «Партия мистиков усиленно старалась воздействовать на легковверных. Знаменитая речь митрополита Филарета по поводу появления холеры в Москве возмутила всех, а сектанты ей втайне радовались» (145, с. 73).

Конечно же, Николай I не мог забыть отказа владыки Филарета освятить в 1829 году Триумфальные ворота с аллегорическими изображениями, его сопротивления незаконным с точки зрения церковного права бракам царских любимцев, отказа признать право наследника престола заседать в Святейшем Синоде и, наконец, знаменитой «холерной истории».

Осенью 1830 года до Москвы дошла холера. Страшная болезнь пугала, способов ее лечения не знали, уповали на устройство карантинных. Митрополит Филарет отказался от царского приглашения срочно уехать в Петербург, написав наместнику Свято-Троицкой Лавры архимандриту Афанасию: «Я отложил путь в Петербург, чтобы умирать со своими» (79, с. 351). Он распорядился принять необходимые меры предосторожности по монастырям московской епархии, организовал общемосковский крестный ход для избавления от бедствия. В проповеди, произнесенной 18 сентября, митрополит вспомнил царя Давида, который «впал в искушение тщеславия», вследствие чего «явился Пророк и по повеле-

нию Божию предложил Давиду на выбор одно из трех наказаний: войну, голод, мор... Открылось наказание греха, и совершилось покаяние Давида... Покаемся, братья, и принесем плод, достойный покаяния, то есть исправление жития. Отложим гордость, тщеславие и самонадеяние. Возбудим веру нашу... Исторгнем из сердец наших корень зол, сребролюбие. Возрастим милостыню, правду, человеколюбие. Прекратим роскошь. Откажем чувственным желаниям, требующим ненужного. Возлюбим воздержание и пост. Облечемся если не во вретище, то в простоту... Презрим забавы суетные, убивающие время, данное для делания добра» (179, т. 3, с. 149–151).

За Филаретом следили внимательно. О проповеди тут же сообщили в Зимний дворец, истолковав ее как критику императора, одержавшего к тому времени важные военные и дипломатические победы над Османской империей и Персией. Самолюбивый и обидчивый Николай I усмотрел и в отказе митрополита бежать из холерной Москвы, и в нравоучительной проповеди явный упрек себе. Вероятно, этим вызван его внезапный приезд в первопрестольную 29 сентября. Неизвестно, произошло ли какое-нибудь объяснение, но 5 октября в Успенском соборе Московского Кремля митрополит Филарет произносит проповедь, в которой говорит: «Много должно утешать и ободрять нас, братья, и то, что творит среди нас помазанник Божий, благочестивейший государь наш. Он не причиною нашего бедствия, как некогда

был первою причиною бедствия Иерусалима и Израиля Давид...» (179, т. 3, с. 155).

Порывистый и в гневе, и в делании добра, Николай I не увидел злого умысла в «холерной проповеди». Спустя полгода, 19 апреля 1831 года, «за ревностное и многодеятельное служение в архипастырском сане, достойно носимом, и при том многие похвальные подвиги и труды, на пользу Церкви и Государства постоянно оказываемые», митрополит Московский Филарет был награжден высшим в империи орденом святого Андрея Первозванного. И все же Филарет не стал и не мог стать *своим* в это «глухое и немое» николаевское царствование.

Да, он утверждает авторитетом Церкви справедливость и благодетельность существующей самодержавной власти в России, дав ее чеканную формулу: «...Бог по образу Своего небесного единоначалия устроил на земле Царя; по образу Своего вседержительства – Царя Самодержавного; по образу Своего царства непреходящего, продолжающегося от века и до века, – Царя наследственного» (179, т. 5, с. 126–127). Но он же последовательно утверждает принцип: *Церковь выше Царства*. В проповеди на день коронации Николая I 20 ноября 1847 года митрополит Филарет сказал: «Благоговение и любовь к Царю нашему природны нам; но мысль о Царе царствующих вернее всего дает сим чувствованиям полную силу, совершенную чистоту, незыблемую твердость и прямоту действия» (179, т. 4, с. 531)².

В царствование Александра I святитель Филарет предпринимает несколько попыток серьезных изменений в церковной жизни (помимо перевода Библии и подъема уровня духовных училищ, стоит назвать проект учреждения митрополичьих округов), но в николаевское царствование как будто примиряется с подчиненной ролью Церкви, с жестким приглядом государства. Но только *как будто*... Постоянное и упорное противоборство московского митрополита и «гусарского» обер-прокурора Н.А. Протасова свидетельствует об этом. Такого же рода пример 1838 года. Николай I вознамерился назначить наследника-цесаревича к присутствию в Синоде – подобно тому, как великий князь Александр Николаевич был введен в Сенат и другие высшие государственные учреждения. Но Филарет воспротивился. Всевластному императору пришлось отказаться от своего намерения, но едва ли он простил московскому митрополиту это «удивительно неделикатное» напоминание о внутренней независимости Церкви.

Позднее эмигрант А. И. Герцен писал: «Филарет умел хитро и ловко унижать временную власть», «играя в оппозицию». Но то была, конечно, не игра, а иное, нежели официальное, понимание природы государственности. Протоиерей Г. Флоровский точно констатировал: «Филаретовский образ мыслей был вполне далек и чужд государственным деятелям николаевского времени. Филарет им казался опасным либералом» (191, с. 203).

В сущности, митрополит Филарет открыто не возражал против подчиненного положения Церкви в государственной системе империи, убежденный в то же время, что Церковь помазует государя, а не государство, что органы государственной власти не имеют никакой юрисдикции в делах церковных. Он лишь желал для Церкви большей степени самостоятельности. Поэтому не возражал он против института Святейшего Синода, назвав его однажды «духовной коллегией, которую у протестантов перенял Петр, но которую Провидение Божие и церковный дух обратили в Святейший Синод» (цит. по: 158, т. 1, с. 220).

Однако в николаевское царствование даже государственные законы, касавшиеся церковных вопросов, принимались без участия Святейшего Синода. Обер-прокурор Н.А. Протасов, будучи сам бюрократом-деспотом, грубо сокрушал всякое реальное и мнимое самовластие со стороны епархиальных архиереев. Независимость Филарета он терпел с трудом. После одного инцидента святитель в 1842 году покинул Синод и больше никогда не бывал на его заседаниях, хотя оставался членом Синода и продолжал принимать активное участие в рассмотрении всех дел церковного управления.

Стоит заметить, что некогда скромный провинциал обрел качества светского человека, оставшись монахом. По воспоминаниям великой княжны Ольги Николаевны, митрополит Филарет на слова фрейлин императрицы, что де Александра Федоровна «вместо того, чтобы думать о спасении

души, только и делает, что танцует и гоняется за развлечениями», ответил: «Возможно. Но я думаю, что она, танцуя, попадет в рай, в то время как вы еще будете стучаться в дверь». Об отношении царской семьи к московскому митрополиту великая княжна вспоминала, что в Москве «всегда на первом месте был митрополит... Здесь, в Москве, он молился перед тем, как садились к столу, и сесть было можно только после его благословения. Филарет считался светочем Церкви...» (99, с. 202, 238).

В отличие от многих своих предшественников и современников, митрополит Филарет никогда не угождал власти, не льстил ей, он всегда держался независимо, не роняя достоинства иерарха. Любопытно, что в своих проповедях Филарет никогда не говорил государю «вы», но всегда в традициях церковной риторики «ты». Не раз он поучал и наставлял государей в проповедях. В царствование Александра II был поднят вопрос о поминовении за богослужением всех членов императорской семьи, число которых сильно увеличилось, что удлиняло службу. Святитель Филарет в своем мнении выразил не верноподданническую, а церковную позицию: «Мне кажется, – писал он 22 марта 1862 года наместнику Свято-Троицкой Лавры архимандриту Антонию (Медведеву), – Вы напрасно так строго смотрите на сокращение воспоминаний в молитвах царствующего дома и на облегчение в праздновании Царских дней. В древних изданиях греческих в великой ектении сказано только: “О благочести-

вейших и Богохранимых царех наших”. Не предписано даже имя царя произносить. А о царском семействе и намека нет» (182, ч. 4, с. 448).

В церковном сообществе митрополит Филарет неизменно почитался первым среди равных. Его мнение, его заключение почитались решающими во всех церковных делах. Отношения с собратьями складывались у него подчас просто, хотя и по разным причинам. Митрополит Филарет привечал архимандрита Игнатия (Брянчанинова), будущего святителя, писал ему 12 ноября 1833 года: «Преподобный отец Игумен. Судьба Божия, поставив меня с Вами в сношение по службе, в то же время открывает случай, чтобы мы друг друга узнали в лице. Я сему рад...» (цит. по: 84, т. 3, с. 120).

Современники говорили о московском митрополите: «Он был епископом с утра и до вечера и от вечера до утра». Их поражало в нем неусыпное чувство ответственности. Старец митрополит входил во все подробности московской церковной жизни, вплоть до просмотра проповедей чередных иереев в Чудовом монастыре и утверждения эскизов поновляемых иконостасов; он внимательно просматривал резолюции епархиальной консистории, частью отвергая их, частью исправляя; сожалел, когда не хватало сил на совершение богослужения или освящения храмов. Посещение светских учебных заведений не входило в обязанности митрополита, но он нередко бывал на вступительных и выпускных экзаменах в Московском университете, а то и 1-й московской гимна-

зии. На всю жизнь запомнил Т. И. Филиппов, видный государственный деятель, одобрительное слово митрополита Филарета по поводу произнесенной им, тогда учителем гимназии, речи 3 октября 1854 года. Он пожелал ему, тогда еще юноше: «Чтобы ваши мысли проникали более и более область общественного воспитания» (цит. по: 132, с. 9). Неудивительной поэтому стала растерянность москвичей десятилетие спустя, после кончины святителя, как писал 21 ноября 1867 года филаретовский ученик и оппонент Н. П. Гиляров-Платонов своему другу К. П. Победоносцеву: «Монумент свалился; как-то жутко чувствует себя Москва. Образовалась пустота, в которой неловко. Москва без Филарета, это как-то неловко, непривычно. Любопытно, как теперь пойдут церковные дела, когда рассуждениям и различным мерам уже не предшествует обычный вопрос: а как на это смотрит Филарет?» (136, с. 67).

6

Богословие Филарета не вылилось в целостную систему, на это у него в московский период уже не доставало времени, однако богословствование было его второй натурой, оно прорывалось и изливалось в проповедях, административных документах и письмах. В них, по выражению И. В. Киреевского, «много бриллиантовых камушков, которые должны лежать в основании Сионской крепости». Главным источни-

ком богословия святителя было Священное Писание. В то же время то не была экзегетика в чистом виде, а ответы на искания русского духа, попытка синтезировать различные движения просвещенной русской мысли, стихийную православную веру народа и духовное богатство святоотеческого наследия. Не раз святителю Филарету приписывали уклонение то в католичество, то в протестантизм, но он умел соблюсти цельность православного учения Церкви. По точной оценке протоиерея Г. Флоровского, он не создал формальной богословской школы, но «он создал нечто большее – духовное движение...».

В одной из проповедей святитель Филарет говорит о двух ведущих к Богу путях – пути волхвов и пути пастырей: «Путь волхвов есть путь света и ведения, управляемый ясным знамением звезды... Путь пастырей есть путь сени и тайны, путь веры, а не видения» (179, т. 1, с. 184). Думается, что оба пути – и ведения и веры – были равно открыты для него³.

Богословие Филарета светло и трагично. Светло, ибо основано на глубоком опыте личной веры и сердечном ведении Бога. Трагично, ибо имеет своим материалом не только Священное Писание, но и повседневную, обыденную жизнь, вольно или невольно отрывавшуюся от евангельских заветов. Соединение, никак не противопоставление, этих двух сторон жизни – небесной и земной – оставалось главным делом святителя.

Показательно, что в августе 1862 года, будучи уже пре-

клонным годами старцем, он живо поддержал намерение своего ученика протоиерея Александра Горского о создании и издании Богословского словаря, ассигновал из сумм Московской кафедры специальные средства на эти цели (40, с. 156).

В то же время не менее показательно, что резиденция митрополита, подворье Свято-Троицкой Лавры, находилась на Самотеке, вблизи шумного московского торжища. И воспарив мыслью в горние высоты, он принужден был опускаться до самого дольного. Почти всякий день на подворье приходили просители, странники, священнослужители, официальные лица со своими делами и заботами, и митрополит Филарет погружался на самое дно обыденности с ее мелочами и нечистотой. Изданные после его кончины в семи томах Резолюции по различным делам епархии, а также тома Мнений и Писем свидетельствуют о прямой вовлеченности святителя в самые разные дела церковной и светской жизни, в них видны и мудрость, и опыт, и остроумие.

В резолюции от 6 января 1833 года по делу о диаконе, не говорившем проповедей в течение года, он пишет: «Болезнь, которая не мешала диакону год служить, а мешала целый год говорить проповеди, называется леность. Способ лечения на первый раз употребить следующий: запретить диакону священнослужение на две недели и дать ему в сие время дьячковский доход, с тем, чтобы в сие время сочинил проповедь». Вот другие резолюции: «Села Архангельского

дьячка, 65 лет, смиренного, но не совсем трезвого, послать в Можайский монастырь на три дня, чтобы ему растолковали, что к будущей жизни готовиться надобно воздержанием, а не пьянством»; «Поелику недовольных священником не мало и неудовольствия значительны, то, для прекращения оных, ныне же перевести его»; «Знание церковного пения не большое знание, но незнание онаго есть большое незнание». Его нередко упрекали в жестокости в отношении духовенства, но вот его резолюция на деле о проступке дьякона, ходившего в питейный дом за вином: «Дурно поступил дьякон, но надобно на суде принимать в соображение немощи человеческие: жена разрешилась, гостей принять надобно, денег нет. Очень естественно обратиться к винопродавцу, который верит в долг... Положить диакону в Клинском соборе сто поклонов и внушить ему, что гораздо лучше праздновать рождение детища без вина, нежели с незаконно купленным вином быть задержану в питейном доме». А то должен был разбирать дело об избииении пастуха сыном дьячка за потраву священнического луга коровами... (181, т. 3, ч. 1, с. 168; ч. 3, с. 14, 17, 30, 168, 182).

Он занимался всем. В письме архимандриту Антонию (Медведеву) вечером 28 февраля 1849 года владыка, которому минуло 66 лет, сетовал: «Больше дают дела, нежели хочет и может сделать моя леность. Один архиерей затрудняется, носить ли двоеженцу стихарь: мне присылают указ, чтобы я отвечал ему на сие затруднение. Один губернатор за-

метил, что в метель замерзают люди, не находя пути в село; я должен сказать, не звонить ли в колокол. В обеих столицах хотят отдать откупщику погребения; мне приходится разбирать дело и объяснять, что будет ропот на откупщика и на начальство. Один архиерей написал историю Русской Церкви; меня спрашивают, не надобно ли ее исправить, и, дабы я не ленился отвечать, прибавляют, что о сем знает Государь император. А я все не умею спешить. Простите празднословие» (182, ч. 2, с. 98).

В письме собрату, архиепископу Кириллу (Богословскому-Платонову), жаловавшемуся на активность католицизма в его епархии, отвечал: «Говорят: ксендзы совращают православных, хорошо. Если ксендзы совращают хитростию, пусть священники утверждают православных и приобретают инославных истиною. Истина должна быть сильнее хитрости. Внешнею властью не сделаешь всего для Церкви. Благодарение Богу, государство оказывает покровительство Православию; нельзя требовать, чтобы оно отказалось от терпимости, которая, если умеренна, имеет свою справедливость» (цит. по: 84, т. 3, с. 22).

Стоит заметить, что митрополит Филарет был открыт для контактов с западным миром. Он не раз встречался с протестантскими и католическими священнослужителями при посещении ими России: это американский квакер Стивен (Этьен) Греллет, посетивший Россию в 1818–1819 годах и в беседах с епископом Филаретом обсуждавший во-

просы понимания Священного Писания; англиканский диакон Уильям Палмер, побывавший в России в 1840–1841 и 1844 годах с искренней попыткой воссоединения Церквей; французский бенедиктинец и будущий кардинал Жан-Батист-Франсуа Питра, в 1859–1860 годах приехавший в Москву для изучения славянских рукописей; пастор Юнг в 1864 году обсуждал вопрос о воссоединении Американской епископальной Церкви.

«Как вожделенно соединение церквей! – размышлял святитель. – Но как сложно, чтобы движение к нему парило чистым стремлением к Истине, совершенно свободным от пристрастия к предвзятым мнениям... Господи, пошли истинный дух единения и мира» (цит. по: 69, с. 357). Свое понимание возможности воссоединения былого единства Церкви святитель изложил еще в 1815 году в известном трактате «Разговоры между испытующим и уверенным о православии Восточной Греко-Российской Церкви». В нем он писал: «...вера и любовь возбуждают меня к ревности по святой Восточной Церкви; любовь, смирение и надежда научают терпимости к разномыслящим» (186, с. 450).

Филарет следил за событиями церковной жизни в Европе. 21 октября 1842 года он пишет записку московскому почт-директору А. Я. Булгакову: «С благодарностью за удовлетворение любопытству возвращаю Вашему Превосходительству два письма [номера] французского журнала. Кто хотя несколько знает историю начала унии в России, тот легче

увидит в манифесте папы, что непогрешительный грешник против истины, как сказка; и потому незнающий может догадаться о клевете на современные события. Жаль, что Европа охотно доверяла клеветам на Россию: так ныне потерявшие добродетель охотно верят клевете на добрых. Благословение Вам призываю. Вашего Превосходительства почтеннейший слуга Филарет, м. Московский» (187, с. 67). Из этой записки видно и стремление святителя к знанию современной ему жизни Западной Европы, и ясная позиция в отношении противоречивой политики папы Григория XVI, который в 1830 и 1832 годах осудил польских повстанцев как «нарушителей государственного порядка», а в 1839 году осудил воссоединение униатов; в 1840 года пошел на переговоры с Россией, а в июле 1842 года обвинил российское правительство во «враждебных действиях» против польских католиков (129, т. 12, с. 659).

Митрополит подчас тяготился этим разнообразием дел и забот, желая аскетического уединения. Своему духовнику, наместнику Свято-Троицкой Лавры архимандриту Антонию (Медведеву), писал, что «пыль земных сует и пристрастий засыпает око ума; и, не отвращая очей от суеты, мы сами себе заграждаем созерцание истины» (182, ч. 1, с. 130). Но как знать, не эта ли мелочная суета сует теребила его беспокойную мысль?

В проповеди 27 сентября 1842 года, посвященной памяти преподобного Сергия Радонежского, у него вырвалось: «...

желал бы я узреть пустыню, которая обрела и стяжала сокровище, наследованное потом Лаврою. Кто покажет мне малый деревянный храм, на котором в первый раз наречено здесь имя Пресвятой Троицы? Вошел бы в него на всенощное бдение, когда в нем с треском и дымом горящая лучина светит чтению и пению, но сердца молящихся горят тише и яснее свечи...». «Кто даст мне криле, яко голубине, и полещу и почию...» (179, т. 4, с. 193–195), – мечтательно сказал он однажды словами псалма. Но, верный завету монашеского послушания, нес ту службу, на которую был поставлен.

Однако глубокий разрыв между высотой христианского идеала жизни и современной ему обыденностью побуждал его как к вразумлению своей паствы, так и к осмыслению этого разрыва. «Богословие рассуждает», – частенько повторял митрополит, и главной темой его богословствования было развенчание земной жизни и призыв к жизни вечной, к жизни с Богом. Не мягкое утешение, а резкий, ослепительный свет истины, который жжет глаза, предлагал современникам Филарет, «свет, ранящий очи, – разрушительный динамит христианства, не терпящий прикосновения мирского, превращающий мир в обломки» (59, с. 124); не умилительное «розовое христианство», удобное и приятное для «сынов мира сего», а более глубокие *страх Божий* и *любовь Божию* открывал своей пастве святитель Филарет, памятуя слова апостола, что *совершенная любовь изгоняет страх* (1 Ии. 4, 18). Для него не было вопроса, можно ли богослов-

ствовать после Отцов Церкви: «Что после ев. Златоуста можно толковать послания [Апостольские], сие неоспоримо потому, что есть вопросы, сделанные на них после того, которые надобно разрешить; ложные толкования, сделанные после него, которые надобно отвергнуть» (цит. по: 84, т. 3, с. 413). Его беспокойная мысль часто тревожила современников, подчас раздражала покорных и робких, но он утверждал свое: «Нет! Христианство не есть юродство или невежество, но *премудрость Божия*...» (179, т. 2, с. 373).

Обычным упреком в отношении филаретовских проповедей (вплоть до сегодняшнего дня) стала их сложность. Конечно, они не рассчитаны на простецов, они адресованы образованным и подготовленным людям, потому что святитель Филарет стремился поднять своих слушателей до высот богословской мысли, а не опускался до их уровня. Впрочем, он был реалист и писал А. Н. Муравьеву: «Любомудрствование Григория Богослова о древе познания добра и зла есть также плод, которым я бы не советовал кормить всякого, ибо он не всякому по зубам» (183, с. 32).

«Он не создал школы, но он создал нечто большее – духовное движение, – писал протоиерей Георгий Флоровский. – Филарет был всегда внутренне очень сдержан в своих богословских рассуждениях и к такой же ответственной сдержанности призывал других. В нем поражает, прежде всего, это неусыпающее чувство ответственности, – именно эта черта делала его облик таким строгим» (191, с. 182).

Тем не менее определение «гениальный» чаще применяется к проповедничеству Филарета. Его проповеди были и остаются непревзойденными образцами церковного красноречия и богословской мысли, они, по определению В. П. Зубова, «чеканны»: «...ни одного слова нет лишнего и ни одного неточного» (59, с. 136). В то же время характерной чертой филаретовского проповедничества была опора на разум, а не на эмоции, в отличие от его современника архиепископа Иннокентия (Борисова), считавшегося в XIX веке «первым русским проповедником».

Темы филаретовских проповедей часто повторяются: это церковные праздники, из которых святитель чаще производил слово на дни Богородичных праздников, дни памяти преподобного Сергия и святителя Алексия, митрополита Московского; это царские дни, дни тезоименитства и коронации; освящение храмов в Москве, что особенно почитал митрополит; наконец, слова на различные случаи – принятие присяги судьями, отправление сестер милосердия на театр боевых действий, при хиротонии своих викарных епископов; иногда он затрагивает события политической жизни Европы и т. д. Но содержание его проповедей всегда ново, в них неизменно находим как новые повороты мысли в понимании вечных истин Писания и тайн Божественного домостроительства, так и горячее чувство сострадания к людям, пламенную ревность в нравственном наставлении, тонкое знание человеческой природы.

Приведем еще несколько примеров филаретовского слова. В проповеди при вступлении в управление московской епархией 14 августа 1821 года святитель Филарет сказал: «Человек! Самое близкое к тебе и самое опасное для тебя поле брани есть собственная твоя жизнь и деятельность в мире... Если тебе неизвестна сия брань, то, конечно, ты никогда не пробуждался от дремоты чувственной жизни к бодрствованию высшей жизни человеческой, никогда и главы не возносил из плена и рабства духовного... Иногда, например, нам кажется, что мы победили корыстолюбие или сластолюбие, совершив подвиг благотворения или воздержания; но, в то же самое время, входя в глубину сердца, усматриваем, что мы там побеждены тщеславием или гордостью, и там, где мы думали стоять под защитой совести сверх опасения, уязвляемся ее палящими стрелами» (179, т. 2, с. 5–6).

Митрополит Филарет неизменно писал свои проповеди и читал с амвона. В старости его тихого голоса было почти не слышно, но проповеди переписывались от руки и становились известными всей церковной Москве. В проповеди, произнесенной в июле 1831 года, он избрал темой отношение человека к собственности, указав на то, что страсть к богатству «может довести тебя до измены учению Христову и удалить от Христа. Что же делать, скажет кто-либо, неужели всем бросать имение и сделаться нищими? Нет, опять не о том дело. Ибо и Христос не от всякого требовал добровольной нищеты... Напоминай себе часто, что скорее или мед-

леннее, но во всяком случае чрез не долгое время или богатство тебя оставит, или ты оставишь богатство; и потому обходишься с ним, как с гостем, которого надобно честно принять и честно проводить» (179, т. 3, с. 179–180).

25 марта 1843 года в Чудовом монастыре Московского Кремля он произносит проповедь на день благовещения Пресвятой Богородицы: «Дивны дела Твоя, Господи! Дивны Твои тайны, Богородице! Кто слышит твой тихий глагол в Твоей затворенной молитвенной храмине? Кто провидит, какие огромные дела ведет за собою Твое малое слово? Мир ощущает ли сию минуту, в которую делается перелом всецелой судьбы его, в которую изменяются отношения между небом и землею? Знает ли мечтающий о всемирном владычестве Рим, что в одной из дальних областей его некая дочь царей, называющая себя рабою Господнею, изрекла приговор, который готовит миру нового, лучшего, высочайшего Владыку, а Риму разрушение гордого и своенравного владычества?» (179, т. 4, с. 237).

Митрополит Филарет был нередким гостем в Московском университете. В день столетия университета, 12 января 1855 года, в храме мученицы Татианы он произнес свое слово: «Обитель высших учений празднует ныне день своего рождения... Чего ищет наука в неизмеримом пространстве вселенной и в тайных хранилищах природы человеческой? Истины. Утвердите, что нельзя найти ее, вы поразите науку смертельным ударом... После сего извольте усмотреть, рев-

нители истины, в каком положении находится человечество в отношении к истине. Истина так необходима ему, как пища; истина доступна его познанию; и между тем целый мир в продолжении веков и тысячелетий не умел найти и привести в действие первую, коренную, преимущественно необходимую, явь поставленную истину... Не скажет ли мне кто-нибудь: это истина Божия, предоставляем ее богословам; нам принадлежит подвиг о истине естественной, полезной для человека и для общества человеческого?.. Для чего хотят рассекать истину? Рассекать – значит убивать. Нет жизни без единства. Неужели думают, что истина Божия и Христова есть нечто постороннее для истины естественной?.. Исторгните солнце из мира, что будет с миром? Исторгните сердце из тела, что будет с телом?.. Исторгните истину Божию и Христову из человечества: с ним будет то же, что с телом без сердца, что с миром без солнца» (179, т. 5, с. 293, 295–298).

И вновь забегаая далеко вперед, стоит отметить, что полтора столетия спустя те процессы, начало которых прозревал святитель Филарет, стали очевидностью. В 2004 году известный американский социолог И. Валлерстайн констатировал: «Никогда прежде в истории мира не было такой непреодолимой пропасти между поисками истины и поисками добра и красоты. Ныне эта пропасть вписана в сами структуры знания и в мировую университетскую систему» (26, с. 42).

В связи с проповедничеством святителя Филарета стоит особо сказать о его вкладе в развитие русского литературно-

го языка, что позволяет сопоставлять его усилия с усилиями его старшего современника Н. М. Карамзина. Но если писатель осовременивал русский язык, заменяя книжный стиль разговорной речью, смело вводил европеизмы, то митрополит оберегал его первоначальную, церковно-славянскую чистоту и высоту. В филаретовских проповедях, отмечал В. П. Зубов, славянизмы не архаичны (как, например, у адмирала А. С. Шишкова), а высоки, «это – чистый русский язык, кристально-классический...» (59, с. 141). Примерами сказанного являются не только проповеди, но также тысячи писем и резолюций митрополита Московского, в которых каждое слово сжато и точно выражает мысль. Вот он отвечает на письмо своего викарного епископа Николая (Соколова): «Простите, что долго не пишу: не хватает сил написать все необходимое, и не доходит очередь до желаемого» (цит. по: 84, т. 3, с. 491).

Святитель Филарет оберегал чистоту языка церковной проповеди от «вторжения Вавилона» – смешения слов высоких и низких; его проповедь никогда не превращалась в политическую речь, отражая злобу дня, а всегда была пронизана ощущением святости Церкви. Он не принимал упреков в «сложности» своих проповедей, будучи «человеком, погруженным в культуру», не терпел опрощения высоких истин и предлагал свои слова людям зрелой культуры, не стремясь к широкой доступности.

Рассмотрение деятельности митрополита Филарета в контексте русской культуры первой половины XIX века некоторым сейчас кажется странным, но в то время это было естественным. И формально, и фактически Церковь была неотъемлемой частью жизни русского общества.

Уже в первые годы своего пребывания в Петербурге Филарет смог войти в круг высокопросвещенных дворян. Круг общения молодого архимандрита, затем архиерея составляли там не только монашествующие и чиновники Святейшего Синода, но и Г. Р. Державин, Н. М. Карамзин, адмирал А. С. Шишков, А. Н. Оленин, граф А. К. Разумовский, граф С. Б. Потемкин, графиня А. А. Орлова-Чесменская, С. С. Мещерская и менее известные представители дворянской интеллигенции.

В январе 1814 года архимандрит Филарет по просьбе президента Академии художеств А. Н. Оленина выступил с речью на торжестве открытия Публичной библиотеки; в июле 1815 года и 1817 года присутствует на выпускных экзаменах в Царскосельском лицее; он был избран членом Российской академии и Общества любителей русской словесности, ординарным академиком Императорской Академии наук и почетным членом Московского университета, почетным председателем Общества любителей духовного просвещения, по-

четным членом Общества истории и древностей российских, Археологического, Географического и других обществ.

Показательно, что *своим* его считали члены литературного кружка «Арзамас». В. А. Жуковский полушутливо писал А. Ф. Воейкову 20 февраля 1814 года: «Не заводя партий, мы должны быть стеснены в маленький кружок: Вяземский, Батюшков, я, ты, Уваров, Тургенев должны быть под одним знаменем: простоты и здравого вкуса... Министрами просвещения в нашей республике пусть будут Карамзин и Дмитриев, а папою нашим Филарет» (16, т. 1, с. 220).

В московский период служения святитель Филарет естественно вошел в круг дворянской интеллигенции старой столицы. Н. П. Барсуков так писал о Москве 1830-1840-х годов: «Московский университет, славянофилы и западники, и московский [Малый] театр – служители науки и служители искусства – составляли одно нераздельное целое. А над всеми ними царило Троицкое подворье, в котором пребывал Филарет» (цит. по: 134, с. 29). К нему тянулись и сами деятели культуры, находившие радушный прием на Троицком подворье на Самотеке: профессора университета М. П. Погодин и С. П. Шевырев, «басманный затворник» П.Я. Чаадаев и светский апологет Православия А. С. Хомяков, в 1840 году приведший англиканского диакона Уильяма Пальмера, искавшего единства веры с Православной Церковью.

То не были официальные обязательные посещения, напротив, возникло обоюдное интересное общение. Так, П.Я.

Чаадаев, летом 1844 года перевел одну из проповедей митрополита и опубликовал во французском журнале. Он писал в письме А. И. Тургеневу 15 февраля 1845 года: «Митрополит тебе кланяется. Он так же мил, свят и интересен, как и прежде. Ваши об нем бестолковые толки оставили его совершенно равнодушным и не нарушили ни на минуту его прекрасного спокойствия» (199, с. 449). Другой близкий к святителю представитель столбового дворянства И. В. Киреевский записал 7 октября 1853 года в дневник: «Ездил к митрополиту с Жуковскими... Ни разу, кажется, не бывал я у митрополита, не чувствуя себя проникнутым благоговением. Особенное чувство близости святыни, чувство и трепетное, и радостное» (73, с. 441).

Стоит особо сказать о влиянии святителя Филарета на А. С. Пушкина. Литературоведы давно отметили, что стихотворение «Перед гробницею святой...» навеяно филаретовским словом пред погребением фельдмаршала М. И. Кутузова в 1813 году, а «Герой» – прямо созвучно речи митрополита 29 сентября 1830 года. Их общая знакомая Е. М. Хитрово зимой 1829 года сообщила митрополиту стансы поэта «Дар напрасный, дар случайный...», а вскоре передала Пушкину поэтический ответ святителя:

Не напрасно, не случайно
Жизнь от Бога нам дана;
Не без воли Бога тайной
И на казнь осуждена.

Сам я своенравной властью
Зло из темных бездн воззвал;
Сам наполнил душу страстью,
Ум сомнением взволновал.

Вспомнись мне, Забвенный мною!
Просияй сквозь сумрак дум,
И созиждется Тобою
Сердце чисто, светел ум.

Пушкин продолжил поэтический диалог, написав 19 января 1830 года новые стансы, прямо обращенные к митрополиту Филарету:

В часы забав иль праздной скуки,
Бывало, лире я моей
Вверял изнеженные звуки
Безумства, лени и страстей.

Но и тогда струны лукавой
Невольно звон я прерывал,
Когда твой голос величавый
Меня внезапно поражал.

Я лил потоки слез неожиданных,
И ранам совести моей
Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был елей.

И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.

Твоим огнем душа согрета
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет гласу Филарета
В священном ужасе поэт.

Данный эпизод, уникальный в истории русской культуры, имеет не только биографическое значение. Протянутая рука Русской Церкви в лице ее видного представителя была принята первым русским поэтом, олицетворением Русской Культуры. К сожалению, эта тенденция не получила продолжения с обеих сторон. В дальнейшем русла развития русской культуры и Церкви то идут параллельно, то и вовсе расходятся.

Позднее к авторитету московского митрополита обратился и Н. В. Гоголь, поручивший графу А. П. Толстому показать святителю второй том «Мертвых душ», дабы узнать его мнение, но граф не выполнил просьбы. Стоит отметить, что имевший на Гоголя в последние годы его жизни большое влияние ржевский священник Матфей Константиновский прямо побуждал писателя отказаться от искусства, отречься от своих художественных идеалов. Святитель Фила-

рет, также отводя искусству подчиненное положение в жизни человека, все же не так прямолинейно доктринален, признавая важность художественного творчества как дара Божия.

Конечно же, святитель был человеком своего времени, скорее даже – человеком ушедшего XVIII века по серьезности и искренности следования высоким идеалам и принципам. Подчас эти принципы оказывались устаревшими. Так, в 1848 году митрополит Филарет резко одернул своего ученика, архимандрита Феодора (Бухарева), пытавшегося в серии статей «О Православии в отношении к современности» искать «мерцания Божия света» и во внешне нехристианских явлениях современности.

Но в то же время поражает верность старца митрополита высоким идеалам Церкви. Несколько десятилетий митрополит по своей должности входил в состав Комитета по строительству в Москве храма Христа Спасителя, а по своей деятельной натуре принимал активное участие во всех этапах создания храма – от проектов и строительства до эскизов росписей и настенных барельефов (он же и разработал сюжеты для них). 23 октября 1853 года он направляет генерал-губернатору графу А. А. Закревскому, председателю Комитета, записку о внутреннем устройстве храма, в которой пишет: «По древнему чину олтарь в церквах, особенно в соборах, как можно видеть в Успенском соборе, разделяем был на три части. Из них средняя, в которой пре-

стол есть собственно алтарь или Святая святых, боковая северная – жертвенник и боковая южная – диаконник, место приготовления утвари и облачений. Разделение сие важно и нужно, дабы в точности могло быть исполнено 69-е правило 6-го Вселенского Собора, которое говорит: токмо царь един и ин никто же от мирских человек во очистилище внидет. В церквах, в которых алтарь не разделен, мирские люди, имея нужду приходить к жертвеннику для принесения и принятия просфор, привыкают неосмотрительно приближаться и к престолу. В новосозданном храме алтарь в архитектурном устройении не разделен, но его пространству есть возможность дать ему внутреннее разделение так, чтобы оно далее может способствовать его благолепию. Для сего можно было бы от восточной стены до иконостаса провести линию резной преграды высотой несколько более роста человеческого...» (189, с. 247–250). Очевидно, что святитель ни много ни мало стремится создать идеальный храм, отвечающий его высокому представлению о святости Церкви, церковного храма и алтаря. Николай I отверг его предложение.

Едва ли можно подумать о наивности семидесятилетнего митрополита, предложившего нарушить привычный для поколений православных порядок, но он так понимал свой долг. Он мог промолчать, таить в душе и лишь временно переносить в проповеди свое трепетное отношение к Бо-
жью храму, но тут воспользовался царским повелением об «устройении храма сообразно с древним церковным обыча-

ем», отнеся к формальному обороту документа серьезно – так, как может и должен относиться к жизни христианин. Это лишь один пример.

Митрополит стал духовным наставником для всей московской паствы, но за десятилетия сложился круг близких к нему людей, почитавших его как старца, духовного отца. Среди них были и известный вельможа князь С. М. Голицын, и простой чиновник М. М. Евреинов. К скромному Михаилу Михайловичу были обращены такие духовные наставления 11 июня 1827 года: «Молитва друг о друге есть лучшее из общений. Несовершенства же молитвы должно по возможности исправлять, но не должно унывать от них. Надобно различать дело молитвы от услаждения в ней. Дело делает человек, и должен делать постоянно и неослабно по правилу и порядку; а утешение дарует Бог по благодати, когда то нужно для привлечения или подкрепления человека и когда человек принять оное может». А князя святитель утешал 21 июня 1855 года после кончины его сестры Елены Михайловны: «Прейти от видимого в невидимое нам надобно; и верен и благ Господь, чтобы определить, кому когда лучше, кому ранее, кому позже» (187, с. 90, 85).

Он был строг к другим, но был строг и к себе. Одно его письмо к духовной дочери графине Е. В. Новосильцевой от 12 августа 1822 года заканчивается словами: «Простите, если я сказал много и ненужное». После преждевременной гибели ее сына Владимира святитель Филарет пишет безутеш-

ной матери: «Если не время желать Вам спокойствия, желаю Вам кротких слез, орошающих сердце, доколе взойдет солнце утешения, дабы из посеянного в слезах возросло нечто для радостной жатвы» (187, с. 218, 264).

Стоит упомянуть и о горячности митрополита, которую он сумел подавить уже в зрелые годы, и о его смирении. Он мог сказать резкое слово М. М. Тучковой (будущей игуменнии Марии), но потом поехать к ней с извинениями; спорил в московском Тюремном комитете с добрейшим доктором Ф. Ф. Гаазом, позднее вынужденно признавая его правоту; частенько бывал резок со священниками своей епархии, но его высокая требовательность объяснялась высотой его норм церковной жизни.

8

Эпоха имперской мощи России завершилась со смертью Николая I и поражением русской армии в Восточной войне 1853–1856 годов. С воцарением Александра II начиналась новая эпоха, которую позднее одни назовут «Смутным временем», другие – Великими реформами, третьи – «вынужденными уступками царизма».

Коронация будущего Царя Освободителя началась 26 августа 1856 года с приветственного слова митрополита Филарета, уже маститого старца: «Молитвою любви и надежды напутствует Тебя Россия. С молитвою любви и надежды при-

емлет Тебя Церковь». А далее, в приветственном слове, первым делом царя митрополит назвал следование всегда верному направлению «ко благу общественному» (179, т. 5, с. 385, 386).

Для России первым и самым важным делом становилось проведение коренных преобразований во всех сферах жизни, долженствующих преодолеть ее отставание от более развитых стран Западной Европы, что с очевидностью проявилось в годы Восточной войны. И молодой император, несмотря на свои сдержанно консервативные убеждения, был вынужден приступить к выработке плана подлинной «революции сверху». Главной и самой трудной задачей власти стала ликвидация крепостного строя, который препятствовал переустройству русского общества и государства на капиталистической основе. В начавшейся эпохе *отмены* и *гласности* стало возможным поднять вопрос и о преобразованиях в церковной жизни страны.

Едва получив возможность сказать свободное слово, считавшаяся «застойной» и «казенной», Русская Церковь активизировалась. Иерархами, священниками и светскими лицами составляются многочисленные проекты реформ, начиная от возвращения к канонической форме управления в виде патриаршества и созыва Поместного Собора до расширения прав церковных приходов и повышения материального обеспечения сельского духовенства. В журналах публикуются не только мнения, но и полемика по церковным вопро-

сам. Кроме того, русское духовенство, особенно сельское, оказалось вовлеченным в обсуждение способов освобождения помещичьих крестьян, целей и методов проведения государством коренных социально-экономических преобразований, а также их последствий.

Митрополиту Филарету было уже больше семидесяти лет. Его возраст и общепризнанный авторитет давали возможность занять позицию стороннего наблюдателя, но его активная натура требовала действия, он был готов выразить свое мнение и даже принять участие в делах государственных, тем более – в церковных. В августе 1856 года, во время коронации императора Александра II в Москве собралось несколько архиереев, и святитель воспользовался этим для проведения своеобразного Архиерейского Собора. На нем, помимо текущих проблем церковной жизни, он вновь поднял вопрос о Русской Библии.

Любопытно, что его давний друг архиепископ Евгений (Казанцев) недоумевал, почему митрополит прямо не попросил об этом молодого государя в момент коронации, когда тот ни в чем бы ему не отказал. Но святитель Филарет считал, что такое важное дело с необходимостью должно идти законным путем, а не путем личных договоренностей – и в этом весь Филарет.

Он смог убедить собратьев в важности перевода Священного Писания на русский язык, но вскоре его соименник митрополит Киевский Филарет (Амфитеатров) и новый

обер-прокурор Святейшего Синода граф А. П. Толстой затормозили дело. Лишь спустя два года, в мае 1858 года, император Александр II утверждает решение Святейшего Синода, и в четырех Духовных Академиях приступили к полному переводу Библии с церковно-славянского, остававшегося по-прежнему языком богослужения. Стоит ли говорить, что за основу перевода Пятикнижия, Псалтири и Евангелия были взяты давние издания времен Библейского общества. Сам святитель не дожил до выхода в свет Русской Библии, полный синодальный перевод которой вышел в 1876 году.

Отношение митрополита Филарета к проектам преобразования церковной жизни было сдержанным. «Он ясно видел, насколько упрочились те отношения между государством и Церковью, при которых последняя становилась просто ведомством греко-русского исповедания, – отмечал И. К. Смолич. – Такую успевшую закознить традицию могла бы изменить только более мощная сила, идущая изнутри самой Церкви, но он не верил, что его современники способны проявить такую силу» (158, т. 1, с. 220).

В ноябре 1861 года министр внутренних дел П.А. Валуев, разработавший программу преобразования Русской Церкви для приспособления ее к условиям посткрестовнической России, специально приехал в Москву для обсуждения на Троицком подворье своих планов. Вопреки его опасениям митрополит Филарет положительно отнесся к ликвидации замкнутости духовного сословия, к появлению возможности

свободного выхода из него и вступления в него. Однако святитель не согласился с предложением передать реформирование системы духовных учебных заведений в руки чиновников, настаивая на том, что это дело церковное. Не принял он и предложение ввести представителей духовенства в Государственный Совет – в чем усматривается попытка прямой лести, ибо кто как не московский митрополит был бы первым кандидатом? Но митрополит указал, что духовные лица могут уронить свой авторитет, проявив некомпетентность в обсуждении различных вопросов государственной жизни. По мнению С. В. Римского, святитель Филарет «всегда, насколько это было возможным, старался устранить попытки вовлечения Церкви в политическую деятельность. Это убеждение нигде им открыто не было заявлено, но оно совершенно ясно проступает в его делах» (138, с. 241). Этот урок святителя, подкрепленный печальным опытом первых десятилетий XX века, также учтен в современной жизни Русской Церкви.

Очевидно, что митрополит Филарет страшился больших потрясений в церковной жизни. «Корень вопроса в том, как светская власть чтит и считается с властью церковной», – утверждал он. «Наши изуродованные суетою обычаи, не исправляемые и грозным временем, угрожают более, нежели внешние враги», – писал он 16 февраля 1855 года к А. Н. Муравьеву (183, с. 238).

Пределы уступок митрополита уже своим церковным со-

братьям выявились в конце 1864 года в ходе конфликта по проекту устава духовных семинарий. Созданный митрополитом из представителей белого духовенства комитет неожиданно занял «нагло демократическую позицию», по выражению викарного епископа Саввы (Тихомирова): священники предлагали полностью заимствовать опыт светских школ, создать педагогические советы, уменьшить права архиерея и ректора. По ироническому замечанию митрополита Филарета, архиерею оставлялось лишь право «возлагать руки на головы, которые подставит ему семинарская корпорация» (цит. по: 138, с. 305). Он твердо заявил, что или комитет должен изменить свое заключение, или он напишет против него возражение в Синод.

Означало ли это, что он вообще был против любых перемен? Нет, конечно, но долгий опыт жизни убедил его в том, что зачастую благие намерения людей приводят их к прямо противоположным результатам. Его считали консерватором не только «революционные демократы» В. Г. Белинский и А. И. Герцен, «западник» Б. Н. Чичерин, но и славянофилы И. С. Аксаков и А. И. Кошелев, полагавшие его взгляды «устарелыми» (см. 189, с. 184–203). Впрочем, для этого имелись основания. Например, в своей проповеди 12 февраля 1855 года митрополит с печалью констатировал, что «много набожного, доброго, невинного, скромного из преданий и обычаев отеческих пренебреженно и утрачено, и как много многие приняли чуждых, очевидно бесполезных и непри-

метно клонящихся к вреду новостей. Указать ли на раболепство чуждому непостоянству и нескромности в одежде?.. Указать ли на обычай многих без нужды употреблять чуждый язык, как будто некое отличие высшего звания и образованности?» (179, т. 5, с. 303).

Однако позиция митрополита Филарета не была однозначно негативной. В ответ на запрос из Государственного Совета, где предполагалось обсуждение вопроса о «вредности современных идей», святитель в письме от 27 августа 1858 года пишет: «Воюют против современных идей. Да разве идеи Православия и нравственности уже не суть современные? Разве они остались только в прошедших временах? Разве уже все мы язычники до одного? Не время виновато, а мысли неправославные и безнравственные, распространяемые некоторыми людьми. Итак, надобно воевать против мыслей неправославных и безнравственных, а не против современных» (180, т. 4, с. 369).

Прежде всего святитель опасался того, что общественная жизнь в России выйдет из берегов и разольется революционным потоком, что он считал бедствием. Еще в 1821 году в своей проповеди 15 июня он сказал: «Правительство, не огражденное свято почитаемою от всего народа неприкосновенностию, не может действовать ни всею полнотою силы, ни всею свободою ревности, потребной для устроения и охранения общественного блага и безопасности... Но если так не твердо Правительство, не твердо так же и Государство... в

таком положении Государство колеблется между крайностями своеволия и преобладания, между ужасами безначалия и угнетения и не может утвердить в себе послушной свободы, которая есть средоточие и душа жизни общественной» (179, т. 2, с. 9–11). Спустя тридцать пять лет, в проповеди от 22 июля 1856 года, святитель вновь говорит о том же – о революционерах, которые «умеют потрясать древние здания государств, но не умеют создать ничего твердого»: «Они тягостятся отеческою и разумною властью царя и вводят слепую и жестокую власть народной толпы и бесконечные распри искателей власти. Они прельщают людей, уверяя, будто ведут их к свободе, а, в самом деле, ведут их от законной свободы к своеволию, чтобы потом низвергнуть в угнетение» (179, т. 5, с. 382).

Проблема *свободы*, ставшая фетишем для либералов и революционеров, также занимала митрополита Филарета, который осмыслял ее с православных позиций. В проповеди от 25 июня 1851 года он сказал: «Некоторые под именем свободы хотят понимать способность и невозбранность делать все, что хочешь. Это мечта, и мечта не просто несбыточная и нелепая, но незаконная и пагубная». И тут же предлагает свое понимание: «Любомудрие учит, что свобода есть способность и невозбранность разумно избирать и делать лучшее и что она по естеству есть достояние каждого человека». Далее святитель раскрывает православное понимание этого явления: «Наблюдение над людьми и обществами челове-

скими показывает, что люди, более попустившие себя в сие внутреннее, нравственное рабство – в рабство грехам, страстям, порокам, чаще других являются ревнителями внешней свободы, сколь возможно расширенной свободы в обществе человеческом пред законом и властью. Но расширение внешней свободы будет ли способствовать им к освобождению от рабства внутреннего? Нет причины так думать. С большею вероятностью опасаться должно противного» (179, т. 5. с. 128–130). Как не вспомнить здесь печальный опыт России в 1990-е годы, когда кумиром общества и власти стала именно внешняя свобода...

До Троицкого подворья доносился шум «взбаламученного моря» русской жизни, и святитель Филарет отзывался на него. «Открывать и обличать недостатки легче, нежели исправлять, – писал он епископу Иннокентию (Вениаминову). – Несчастье нашего времени то, что количество погрешностей и неосторожностей, накопленное не одним уже веком, едва ли не превышает силы и средства исправления. Посему необходимо восставать не вдруг против всех недостатков, но в особенности против более вредных и предлагать средства исправления не вдруг всепотребные, но сперва преимущественно потребные и возможные» (148, 1881, т. 2, с. 28). Отзываясь и на поднявшийся в русской печати обличительно-очернительный вал, митрополит 2 января 1862 года писал наместнику

Лавры архимандриту Антонию (Медведеву): «Если хотя

за один год взять все худое из светских журналов и соединить, то будет такой смрад, против которого трудно найти довольно ладана, чтобы заглушить оный» (182, ч. 4, с. 322).

В русской общественной мысли в ту эпоху возникают новые явления, и приходилось бороться не только против замшелой косности и консерватизма, но и против не менее опасных *нигилизма* и *прогрессизма*. В разгар эпохи Великих реформ, 10 апреля 1867 года святитель пишет ректору Московской Духовной Академии протоиерею Александру Горскому: «Усиленное стремление к преобразованиям, неограниченная, но неопытная свобода слова и гласность произвели столько разнообразных воззрений на предметы, что трудно между ними найти и отделить лучшее и привести разногласие к единству. Было бы осторожно как можно менее колебать, что стоит твердо, чтобы перестроение не обратить в разрушение. Бог да просветит тех, кому суждено из разнообразия мнений извлечь твердую истину» (172, 1884, кн. 4, с. 432). Это скорее позиция консервативного реформатора. По выражению протоиерея Георгия Флоровского, святитель Филарет неизменно «предпочитал малые дела широким планам и громким словам» (191, с. 334).

Известно участие митрополита Филарета в крестьянском деле. Именно к нему в январе 1861 года решил обратиться император Александр II с просьбой о составлении текста исторического документа. Перу Филарета принадлежит подписанный 19 февраля Александром II Манифест об освобожде-

нии помещичьих крестьян, завершающийся словами: «Осени себя крестным знаменiem, православный народ, и призови с Нами Божие благословение на твой свободный труд, залог твоего домашнего благополучия и блага общественно-го» (79, с. 829).

В то же время святитель отнесся с большой осторожностью к попытке государства вовлечь сельское духовенство в дело преобразования русской деревни. Он трезво оценивал вынужденно паллиативный характер крестьянской реформы: «Предприемлемому обширному преобразованию радуются люди теоретического прогресса, но многие благонамеренные люди опыта ожидают онаго с недоумением, – писал он в письме от 6 февраля 1861 года к министру юстиции графу В. Н. Панину. – Помещики не найдут ли себя стесненными в праве собственности и в хозяйственных обстоятельствах?» (180, т. 5, ч. 1. с. 17). В письме к товарищу обер-прокурора Святейшего Синода князю С. Н. Урусову митрополит Филарет предлагает не обязывать священника участвовать в делах земства, но только предоставить ему такую «возможность» (185, с. 262). В целом он сдержанно смотрел на возможность участия Церкви в общественной жизни. «Трудно слову церковному вступить в политическую сферу, не соступя с поприща духовного, – писал он архимандриту Антонию (Медведеву). – Но, вступивши на сей путь однажды, окажется некоторая необходимость продолжать идти по нем, и могут даже повлечь, куда неудобно следовать. В войну 1806 или

1807 года Св. Синод, думая сильно поддержать правительство, назвал Наполеона антихристом; а потом с антихристом заключили мир» (182, ч. 3, с. 240).

Возражая на предложение о слиянии церковно-приходских школ с народными ради скорейшего просвещения народа, митрополит Филарет указывает на необходимость постепенности даже в видимо благих начинаниях. Характерна его оговорка при этом: «Может быть, я подвергаю себя причислению к людям отсталым, ретроградным, к обскурантам, если скажу теперь, что думаю. И, вероятно, слова мои не принесут пользы, потому что дело, которое спешит вперед, не захочет оглянуться на меня и остановиться, однако выскажу мои недоумения, по крайней мере, для того, чтобы признаться в них и поступить искренно» (180, т. 5, ч. 1, с. 312).

То, что людская молва называла консерватизмом, было предвидением святителя Филарета. Нередко у него то в проповедях, то в письмах вырывались оговорки, что и храмы, им освященные, будут разрушены, и иконы, украшаемые богатыми ризами, будут поруганы. В письме к отцу Антонию (Медведеву) 26 марта 1864 года святитель сообщает о своих писаниях в Синод относительно безнравственных зрелищ, безверной литературы и дешевого вина, губительно действующего на народ, заключая: «Но писать сие побудила меня обязанность, а не надежда успеха». Спустя год в письме к нему же вырывается: «Господи, спаси Царя и Россию, – не

болящую ли?» (182, ч. 3, с. 261, 285).

9

Описание жизни и личности святителя Филарета было бы неполным и неверным без упоминания о его монашеском и старческом служении. На первый взгляд, какое уж тут монашество: посреди шумной Москвы, постоянно в окружении людей и в кипении множества дел. Но ведь это внешнее. А внутренней, духовной жизни Филарета не знал никто. Лишь своему духовнику, архимандриту Антонию (Медведеву), он открывал свои думы, печали, сомнения и переживания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.